

© 1998 г., ЭО, № 1

Н.А. Томилов

ПРОБЛЕМА ЭТНОГРАФО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОМСКИХ ЭТНОАРХЕОЛОГОВ

Как известно, в отечественной этнографической науке в 1930-х – середине 1960-х годов основное внимание уделялось изучению этногенеза и шире – этнической истории¹ народов мира. Сначала это изучение проводилось в рамках отдельных наук, но в 1940-е годы все более четко стала выявляться необходимость проведения комплексных (силами ученых двух-трех научных дисциплин) и междисциплинарных исследований. В послевоенные десятилетия и в отечественной, и в зарубежной науке стали активно дебатироваться проблемы изучения социокультурных систем, отношений и этнической истории путем интеграции археологических и этнографических материалов, а нередко и методов. Был возрожден к жизни термин "этноархеология" для обозначения научного направления, в русле которого разрабатываются и совершенствуются методы реконструкций древних обществ по археологическим остаткам².

Цель данной статьи – донести до сведения научной общественности некоторые результаты комплексных археолого-этнографических исследований омских ученых, начатых в конце 1970-х годов и продолженных в более широком масштабе в настоящее время, раскрыть подход исследователей к изучению социокультурных систем и через них – этнической и социокультурной истории населения эпох средневековья и Нового времени, а также возникшие перед ними методолого-теоретические, источниковедческие и методические проблемы.

Отметим, что ученые-сибиреведы не только не отставали в разработке данной проблематики, но во второй половине XX в. нередко брались за организацию и проведение междисциплинарных исследований по проблемам этнической и социокультурной истории. Это нашло отражение и в разработке выдающимся сибирским ученым А.П. Дульзоном в 1947 г. подробного перспективного плана всестороннего комплексного изучения происхождения народов Сибири и их языков³ (план был опубликован в 1952 г.), и в проведении грандиозных научных работ Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедицией ленинградских, московских и сибирских ученых, и в многолетнем совместном изучении археологами, этнографами и антропологами Сибири и Урала проблемы "Этнокультурная история народов Западной Сибири" (головное учреждение – Томский госуниверситет), выпуске ими первых томов «Очерков культурогенеза народов Западной Сибири»⁴, и в активном применении археологами метода сравнительного анализа археологических и этнографических культур⁵ и т.д.

С 1970-х годов именно в Сибири стали проводиться научные конференции, на которых дебатировались проблемы этнической интерпретации археологических материалов, возможностей археолого-этнографических параллелей, перспектив комплексных исследований этнической истории и др. Определенную роль в усилении интереса к данным проблемам среди сибиреведов сыграли опубликованные в 1970-е годы материалы ряда конференций и совещаний в Новосибирске, Омске и особенно в Томске⁶, а также дискуссионная статья С.А. Арутюнова и А.М. Хазанова, посвящен-

ная вопросам возможностей отождествления археологических культур с какими-либо конкретными этническими образованиями⁷.

Как нам представляется, наиболее существенным импульсом для организации совместных археолого-этнографических исследований в Западной Сибири стали результаты обсуждения этих проблем на очередном, пятом, Западносибирском совещании археологов, этнографов и антропологов (1981 г.) в Томске и выпуск его материалов⁸. На этом совещании обсуждались не только методологические, историко-научные и методические проблемы проведения комплексных археологических и этнографических работ, но и первые результаты попыток организации подобных исследований омскими и томскими учеными.

Важно то, что вновь выдвинутая во второй половине 1970-х годов идея интеграции археологических и этнографических работ попала в Омске на благодатную почву – появились энтузиасты этой идеи. В начале 1980-х годов омский этнограф В.Б. Богомолов и новосибирский археолог В.И. Соболев предприняли попытку скоординировать свои усилия по изучению орнамента барабинских татар⁹, а во второй половине 1980-х годов омские исследователи В.В. Дрягин (этнограф и социолог) и Б.В. Мельников (археолог, начальник экспедиции) стали проводить полевые археолого-этнографические работы в Муромцевском р-не Омской обл., охватывая поиском материалов также территории Седельниковского р-на той же области, Кыштовского р-на Новосибирской и Каргасокского р-на Томской обл.¹⁰ Работы по стыковке археологических, этнографических и исторических материалов по этнической истории и культуре отдельных групп сибирских татар и чулымских тюрков были проведены в эти же годы и автором настоящей статьи¹¹.

Тогда уже стало ясно, что необходимо специально готовиться к проведению совместных археолого-этнографических исследований, начиная с полевых работ. Для того чтобы создать и апробировать методику такой работы, следовало прежде всего выполнить эти исследования по археологическим, этнографическим, историческим и другим материалам, относящимся к позднему средневековью, Новому времени и даженачальному этапу новейшей истории.

В начале 1993 г. в открытом недавно Омском филиале Объединенного института истории, филологии и философии Сибирского отделения РАН (ОИИФФ СО РАН) несколько молодых ученых вновь подняли вопрос о необходимости стыковки археологических и этнографических работ при изучении истории и культуры народов южной части Западной Сибири. 15 марта 1993 г. в филиале состоялось научное совещание археологов и этнографов на тему «Интеграция археологических и этнографических исследований в Западной Сибири». В работе совещания приняли участие ученые из Сибирского филиала Российского института культурологии, омских университета, педагогического и технологического институтов.

На совещании было высказано единодушное мнение о необходимости организации в филиале научно-поисковой группы по проведению фундаментальных исследований многокомпонентных социокультурных этнографо-археологических комплексов. Омский филиал ОИИФФ СО РАН получил задание начать работу по теме «Этнографо-археологический комплекс» и сформировать группу для ее выполнения, в которую вошли археологи Б.В. Мельников, С.Ф. Татауров, С.С. Тихонов, этнографы В.Б. Богомолов, М.А. и С.Н. Корусенко, А.Г. Селезнев и Н.А. Томилов (руководитель группы). Они и развернули совместные археолого-этнографические работы по изучению археологических памятников и этнографии тарских татар (одна из этнических групп сибирских татар) XVII–XX вв.

В 1994 г. были начаты исследования такого рода по истории и культуре русских бассейна Нижней Тары. Поисковая группа расширилась за счет того, что в нее вошли этнограф М.Л. Бережнова и археолог Л.В. Татаурова¹². С коллективом омских этноархеологов тесно сотрудничают также археологи А.В. Жук, В.В. Михалев (Омск), А.М. Илюшин (Кемерово), В.И. Соболев (Новосибирск), этнографы Л.М. Кадырова, В.В. Мерзликин (Омск) и др.

Сегодня в Омске действует научный семинар «Этнографо-археологические комплексы народов Западной Сибири». В его работе наряду с постоянными членами группы участвуют и ассоциированные члены – научные сотрудники, аспиранты и студенты старших курсов вузов и других учреждений Омска (всего в 1996 г. в семинар входили 23 чел.). В целях проведения широкого обмена мнениями по данной проблеме с коллегами из разных научных центров страны мы организовали ежегодный всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований». На состоявшемся 23 октября 1993 г. в Омске первом заседании с докладом о проблемах этноархеологии выступил В.А. Шнирельман (Москва). Второй и третий семинары состоялись также в Омске в ноябре 1994 и 1995 гг. В этих семинарах участвовали ученые Абакана, Кемерово, Краснодара, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска и Тюмени¹³.

Участники третьего семинара приняли решение: «С целью преодоления имеющейся определенной изоляции групп ученых и отдельных ученых, занимающихся проблемами этноархеологического характера, рекомендовать учреждениям-организаторам семинара ряд следующих заседаний провести не только в Омске, но и в Кемерово, Новосибирске, Москве, Санкт-Петербурге»¹⁴. Во исполнение этого решения и благодаря финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований IV Всероссийский научный семинар «Интеграция археологических и этнографических исследований» был проведен в ноябре 1996 г. в Новосибирске¹⁵. При поддержке Российского гуманитарного научного фонда в июне 1997 г. в Уфе прошел V семинар, работа VI семинара планируется в октябре 1998 г. в Санкт-Петербурге и VII семинара – в том же году в Москве.

В 1996 г. омские археологи и этнографы выпустили в свет через сибирскую издательскую фирму РАН «Наука» первый том серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума»¹⁶. В состав редакционной коллегии серии вошли видные российские ученые: акад. РАН А.П. Деревянко, чл.-кор. РАН С.А. Арутюнов, Р.Г. Кузеев, В.И. Молодин и др. Основная цель издания такой серии, по нашему мнению, – стимулировать формирование и развитие этноархеологии в России. Каждый том будет состоять из следующих разделов: «Методологические, теоретические, историографические и методические проблемы археолого-этнографической интеграции», «Исследования и материалы» (монографии и статьи по результатам конкретных исследований), «Научная жизнь» (сообщения о научных форумах, о работе коллективов и отдельных ученых в области археолого-этнографических исследований), «Рецензии» (материалы, касающиеся только тех монографий, сборников и статей, которые имеют отношение к этноархеологии). В серии могут участвовать отечественные и зарубежные ученые, работающие по проблеме интеграции археологических и этнографических исследований¹⁷.

В методолого-теоретической области наибольшее внимание было уделено понятию этноархеологии и новой, сформулированной нами дефиниции «Этнографо-археологический комплекс» (ЭАК). Сначала несколько слов о нашем предварительном понимании этноархеологии.

Этноархеология сегодня считается направлением, связанным прежде всего с методикой современной археологии¹⁸. В.А. Шнирельман совершенно справедливо, на наш взгляд, обращает внимание на то, что западные этноархеологи на данном этапе не смогли «...найти необходимый "баланс" между организующей ролью теории и корректирующей ролью методики». И далее он пишет: «Поэтому несравненно более перспективными представляются основанные на марксистской методологии исследования археологов СССР, которые ищут пути совершенствования процедуры исторических реконструкций, стремясь глубже понять ограниченность связи между культурными остатками и функционирующими культурными системами»¹⁹. В область научных знаний и опытов этноархеологии включают внедрение, интерпретацию и исследование этнографического материала в сфере археологии, в том числе путем археолого-этнографических аналогий, этнографического осмысления археологических остатков и

ситуаций, внедрения системного подхода, анализа и синтеза функциональных связей в целях воссоздания археологического бытия, изучением процессов «археологизации живой культуры» и др.²⁰

Вести речь об этноархеологии следует, на наш взгляд, не только как о методике реконструкций древних обществ и культур. Американские исследователи, внесшие наибольший вклад в этноархеологическую проблематику, считают, что этноархеология «...призвана выявлять не только общие закономерности развития древних обществ, но и их особенности»²¹, тем самым закрепляя за этой сферой науки не только методику, но и теорию культуры, общества и их динамику. Этноархеология предстает перед нами скорее как особое научное направление (или даже отдельная наука), призванное решать круг проблем по истории общества и культуры человечества, а также из элементов разных хронологических периодов на основе сопряжения археологического и этнографического видения этих проблем. И здесь мы опираемся на методическое положение о том, что совокупность человечества «...есть некое культурное многообразие, мозаичный, но стремящийся к структурности и самоорганизации континуум из объективно существующих и отличных друг от друга элементов общества и культуры»²².

Исходя из такого понимания предназначения этноархеологии, ее объектом мы определяем социокультурные системы с их сложной структурой и связями, конструируемыми или реконструируемыми путем интеграции археологических и этнографических знаний. Предмет этноархеологии в общем виде, по нашему мнению, составляют свойства социокультурных явлений отражать историческую действительность и исторические процессы, а также свойства сопряжения этих явлений в одну систему, которые позволяют конструировать или реконструировать социокультурные системы прошлого, их внутренние функциональные связи и взаимоотношения с другими системами. В таком объемном и несколько длинноватом виде определения этноархеологии, ее исследовательского объекта и предмета приводятся нами впервые, хотя и ранее были попытки обозначить содержание этих дефиниций, но в менее полном виде²³.

Что касается более кратких сущностных определений, то они также должны быть получены. Однако это наиболее трудное дело. Пока только относительно предмета этноархеологии мы можем предложить такой более краткий вариант определения: это свойства социокультурных систем и процессов отражать историческую действительность.

Исходя из предложенных определений, мы видим, что круг проблем теоретического и эмпирического уровня у этого научного направления достаточно широк. Их решение, как нам представляется, может существенно продвинуть познание человечеством своей истории. Но даже если рассматривать этноархеологию как научное направление, связанное только с методикой реконструкции явлений прошлого, то и в этом случае все равно возникают методолого-теоретические аспекты этой методики. Этноархеология, по нашим представлениям, в будущем выделится как особая наука, имеющая в своей структуре методологию и теорию конструирования и истории моделей прошлого (в нашем понимании – этносоциокультурных систем), историографию интеграции археологии и этнографии, этноархеологическое источниковедение, методику конструирования (или реконструкции для более ранних периодов истории человечества) моделей прошлого и фактические (эмпирические) исследования методами этноархеологии социумов и культур разных исторических эпох и их динамики.

При этом мы исходим из того, что при изучении социокультурных и как одного из их типов этнокультурных процессов, которые являются чрезвычайно важными в системе этнических и этносоциальных процессов, для ранних периодов этнической истории историко-культурных общностей, несомненно, большое значение приобретают археологические материалы. Что касается конкретно Сибири, то и для периода русских письменных источников, особенно XVII–XVIII вв., роль археологических материалов при изучении культуры коренного населения и в целом истории бесписьменных наро-

дов продолжает оставаться довольно значительной²⁴. Конечно, письменные источники – архивные материалы, опубликованные документы, записки путешественников, труды ученых разных профилей и т.д. – содержат немало сведений этнографического характера²⁵. Однако в описании культурных, а порой и социальных явлений имеется довольно много поверхностного и мало конкретного, а некоторые стороны культуры иногда вообще бывают незатронуты документами такого рода. Отсюда – необходимость обращения к другим видам источников, в первую очередь к материалам археологии.

О важности изучения археологических памятников Сибири периода средневековья и нового времени в нашей литературе говорится постоянно²⁶. Именно при изучении памятников этих эпох появляется перспективная возможность непосредственного использования этнографических материалов. Следует отметить, что вплоть до настоящего времени в такого рода исследованиях чаще всего проявляется одностороннее обращение археологов к этнографическим материалам, а этнографов к данным археологии – лишь для поисков параллелей.

И.С. Гурвич верно, на наш взгляд, подмечал, что «...декларируемый почти в каждой работе, посвященной этногенезу, комплексный подход к этой проблеме по существу остается благим пожеланием»²⁷. Недостаточное овладение теоретическими положениями и методикой смежной науки нередко, на наш взгляд, приводит специалистов этих двух профилей к ошибочным выводам или просто к поверхностным утверждениям.

В целом фиксируется положение, при котором без взаимопроникновения теории и методики археологических и этнографических исследований дальнейшее решение проблемы этнической интерпретации археологических комплексов, изучения социокультурных процессов в древности не представляется достаточно перспективным. В результате на современном уровне науки выявляется относительно малый выход совокупности археологических и этнографических данных в историческую область и прежде всего в изучение истории этнических образований. В решении этой проблемы заинтересованными сторонами в одинаковой степени являются как археологи, так и этнографы.

Нам представляется, что одна из первоначальных задач при работе в этом направлении состоит в ликвидации своеобразного разрыва между этими двумя науками. Следует подчеркнуть, что археологию и этнографию связывает прежде всего то, что культура в широком ее понимании и социум являются их общими объектами изучения. Отсюда и целый круг общих вопросов этих двух наук: изучение социально-экономических процессов, хозяйственно-культурных типов, явлений материальной, соционормативной и духовной культуры, хода исторических событий, выявление функций предметов, реконструкция семейных и общественных отношений и т.д. При решении многих из этих вопросов археология и этнография пользуются, как правило, своими научными методами, а нередко имеют и свой строго очерченный круг проблем, не связывающих эти две науки.

При совместном использовании археологической и этнографической информации выявились разного рода трудности. Часть из них связана с неодинаковой исторической стадийностью – комплексы культуры археологического характера и фиксируемой этнографами традиционно-бытовой культуры нередко относятся к различным этапам социально-экономического развития, к разным типам этнических общностей и т.п. Другие трудности вызваны тем, что археологические комплексы характеризуют не всю культуру их носителей, а лишь ее фрагментированные компоненты. Из-за этого те или иные материалы представлены в археологических и этнографических источниках неоднозначно.

Наконец, следует сказать о роли лакун как в археологии, так и в этнографии – это, скажем, отсутствие сплошной археологической исследованности территорий для разных хронологических памятников, неравномерность в этнографических знаниях по отдельным явлениям культуры тех или иных этносов и т.д.

В свое время С.А. Арутюнов и А.М. Хазанов выделили три основных метода изучения этнических свойств археологических комплексов культуры: совмещение их с территориями распространения каких-либо этнонимов; отождествление с топонимистическими ареалами; установление связи этих комплексов путем сопоставления с историческими и этнографическими материалами²⁸. Из этих трех методов для совмещения археологических и этнографических культурных комплексов может быть использован лишь ретроспективный метод.

Не стоит, видимо, игнорировать и привлечение данных двух наук – археологии и этнографии – для изучения истории отдельных культурных явлений и выделения в них этнических свойств. Речь идет о целенаправленном изучении видов орудий труда, поселений и жилищ, предметов быта, декоративно-прикладного искусства, погребального обряда и т.д. Здесь может быть достигнут значительный эффект, если работа выполняется специалистом или группой специалистов, имеющими высокий уровень знаний и опыт работы как в археологии, так и в этнографии. При этом изучение отдельных явлений культуры по археологическим и этнографическим материалам должно проводиться в хронологической последовательности по различным периодам. Такого рода работа может явиться, на наш взгляд, предварительным этапом в плане выделения комплексов традиционно-бытовой культуры.

В 1981 г. автор статьи и В.Б. Богомолов предложили назвать выделенный по данным археологии и этнографии многокомпонентный социокультурный комплекс этнографо-археологическим (ЭАК), подчеркивая его археологическую основу и внедрение методов и данных этнографии²⁹. В нашем понимании это фактически реконструированный с помощью данных этнографии археологический социокультурный комплекс. Его основу составляют этнически определяемые археологические материалы памятников, обогащенные этнографической информацией.

Первым этапом в выделении ЭАК является работа с этнографическим материалом – выяснение исторически более ранних социокультурных явлений, отчленение более поздних напластований, достаточно четко фиксируемых разного рода источниками. Тем самым хронология выделенных социокультурных явлений, насколько это возможно, максимально приближается к датировке наиболее поздних археологических памятников или даже доводится до полного совмещения с ней. Одновременно с этим систематизируется археологический материал в определенных пространственно-временных рамках, т.е. выделяется и археологический комплекс социокультурных явлений позднего периода.

Следующим этапом работы является идентификация археологических предметов с такими же предметами этнографического комплекса. Это установление идентичности, на наш взгляд, должно проводиться с учетом исторических условий и культурных влияний, имевших место в изучаемый период в данном регионе. Одновременно осуществляется анализ археологических сведений, косвенно указывающих на возможное распространение тех или иных видов изделий, которые не сохранились в археологических памятниках, но зафиксированы этнографическими материалами (например, пряслица, моталки могут свидетельствовать о типе ткачества и возможным производстве ковров, а расположенные в определенном порядке мелкие бусы – о вышивке и виде орнамента на тканях и т.д.). Взаимосвязанность и часто взаимообусловленность хозяйственно-культурных явлений, закономерности их сочетания позволяют, как нам представляется, включить в ЭАК и целый ряд культурных элементов из этнографических материалов, которые незафиксированы археологическими данными (например, изделий из мягких материалов и даже, видимо, народных знаний, мировоззренческих представлений и т.д.).

При выполнении этой работы необходимо привлекать и письменные исторические источники. К сожалению, в Сибири некоторые археологи даже при изучении средневековых памятников либо вообще не обращаются к историческим материалам, либо используют их недостаточно. В последние десятилетия прослеживается тенденция привлечения археологами Сибири письменных источников и в целом данных исто-

рической науки для решения многих проблем, что, безусловно, значительно увеличивает историческую информативность археологических материалов в исследовании³⁰.

Выделенный таким путем с привлечением исторических данных ЭАК может быть исследован, насколько позволяют материалы (в плане выявления более ранних его этапов). Такая работа может проводиться, видимо, до исчезновения основного состава признаков данного комплекса на исследуемой территории и в соседних регионах в каком-то более раннем периоде.

На всех этапах выделения ЭАК и изучения его истории должна быть значительной роль не только археологов, но и этнографов. Совершенно прав, на наш взгляд, Л.С. Клейн, когда пишет, что «...возможность археолого-этнографических параллелей зависит от реализации, так сказать, этнографо-этнографических (т.е. внутри этнографических) параллелей. Проблема сопоставлений, таким образом, есть не только междисциплинарная, но – в ином аспекте – и собственно этнографическая»³¹. Важность участия этнографов в этой работе определяется тем, что этнограф часто является непосредственным свидетелем трансформации культуры и может достаточно глубоко проникнуть в причины и закономерности этих изменений. Выделение целого ряда ЭАК и разработка их типологии хотя и требуют огромной работы, в будущем, несомненно, могут значительно продвинуть вперед решение задачи идентификации археологических материалов с культурой конкретных этнических общностей. Следует еще раз подчеркнуть, что условиями успеха в проведении таких исследований должны быть выявленность ЭАК на достаточно широкой территории и их определенная хронологическая глубина.

Чем глубже в древность, тем более относительный характер приобретает соотносимость такого ЭАК с конкретным этническим образованием. Здесь начинают проявлять себя те трудности в идентификации археологических памятников с этносами и их культурами, которые раскрыты уже в научной литературе. К ним относятся: 1) дискуссионный характер вопросов о видах и специфике типов этнических общностей в различных эпохах (особенно на ранних этапах человеческой истории); 2) тот факт, что явления культуры могут отражать специфику результатов деятельности не только этнических образований, но и других видов социальных общностей; 3) увеличивающееся разнообразие в интерпретации содержания и функций отдельных черт культуры; 4) возможное искажение картины о реальном соотношении хозяйственно-культурных традиций и др.³²

Перспективным применением метода конструирования ЭАК в западно-сибирском регионе, например, представляется нам на глубину 1,5–2 тыс. лет начиная во многих случаях с XIX в. (порой с XX в.). По более ранним этапам продолжение такой работы может оказаться возможным, если использовать для последующих периодов построенные уже шкалы ЭАК по уграм, самодийцам и тюркам этого региона. В ряде случаев при большом разнообразии видов археологических данных (особенно памятников, в которых в силу особого состояния почвы или по каким-либо другим причинам сохранились изделия из мягких материалов) работа по конструированию ЭАК в принципе может быть продолжена. Но возможности отождествления ЭАК с этническими общностями лежат на ранних этапах, видимо, в плоскости увязывания их не столько с какими-то конкретными этносами или языковыми общностями, сколько с этнокультурными общностями, скажем, в Западной Сибири тех же угров, самодийцев, тюрков и их предков.

Верным и согласующимся с нашей точкой зрения представляется нам мнение одного из ведущих специалистов западносибирской археологии М.Ф. Косарева о том, что «... при наличии преемственности традиционных черт культуры, можно искать предков конкретного современного этноса так далеко в глубине веков, насколько позволяет идти ретроспективная линия культурной преемственности, независимо от того, сопровождается она на всем ее протяжении антропологической и языковой преемственностью или нет»³³.

ЭАК почти всех хронологических срезов является по объему неполным, так как часть культурных явлений из-за фрагментарности археологических материалов реконструировать трудно. Это относится в первую очередь к духовным ценностям, семейной и общинной обрядности и т.д., а также к некоторым сферам материальной культуры. Тем не менее ЭАК гораздо объемнее археологической культуры и может быть этнически определен. При этом фрагментарность культурного комплекса при использовании этнографических данных значительно уменьшается. Происходит увеличение информативности материалов, а этого может оказаться вполне достаточно для выявления этнокультурных связей и использования имеющихся материалов для изучения этногенетических, этноисторических и социокультурных процессов. Ведь даже в этнографии далеко не все компоненты культуры этноса исследуются с этой целью – нередко не привлекаются материалы по народной музыке, хореографии и некоторым другим видам народного искусства, по народным знаниям, многим обрядам и т.д.

В отношении сибирских регионов сложность при проведении работы по построению ЭАК определяется в первую очередь тем, что этнические образования Сибири на протяжении двух последних тысячелетий были охвачены бурными процессами территориальных перемещений групп населения, а значит, и активными процессами этнического взаимодействия – объединения и разъединения, перехода целых групп в другие этнические общности. Эта перекомпоновка этнических образований не всегда сопровождалась существенными изменениями в культурном комплексе. Особенно в тех случаях, когда речь шла об этнически взаимодействовавших группах населения с одинаковым хозяйственно-культурным типом или имевших этнокультурную близость в результате прошлых контактов, а также в тех случаях, когда возникали общие черты культурного облика разных этносов на широкой территории – скажем, в рамках одной историко-этнографической общности.

Мы полагаем, что изучение этнокультурных процессов методом конструирования ЭАК может дать значительные результаты в выявлении социокультурных систем и этнической специфики культурных явлений, очень важной для определения этнической принадлежности их создателей.

ЭАК следует, на наш взгляд, рассматривать как живой организм, как систему, тесно связанную с экологической, экономической, социальной и исторической средой, проходящую этапы зарождения, активного функционирования и растворения (трансформации) или даже гибели, имевшую свою «родину» и разную на поэтапных хронологических срезах территорию распространения. В ЭАК могут быть выделены подкомплексы или ранние комплексы.

Развернутые с 1993 г. омскими учеными совместные археолого-этнографические исследования социокультурных процессов и ситуаций у русских и у тарских татар бассейна Тары в XVI–XX вв. с последующим углублением в средневековые рассчитаны на многие годы. В случае получения положительных научных результатов предполагается исследовать другие группы сибирских татар и их ближайших предков, а также чулымских тюрков и отдельные группы обских угров и самодийских народов Западной Сибири.

Считаем, что изучение этнографо-археологического комплекса – более наукоемкий процесс, чем нам представлялось раньше. В некоторых случаях его можно реконструировать только логически, так как источники этого периода не введены в научный оборот. Кроме того, ЭАК – очень сложный феномен, образовавшийся в результате синтеза многих явлений: взаимодействия разных этнических групп в сфере межэтнических контактов, совместного природопользования, культурного взаимовлияния и т.д., а также осмысления этих взаимодействий исследователями.

Помимо разработки общетеоретических, методологических проблем интеграции двух наук изучение ЭАК позволяет не только исторически проследить этногенетические и этноисторические процессы, но и решать другие задачи: реконструировать систему землепользования населения в древности, в средневековье и в новое время,

выявить закономерности расселения жителей в природно-географической зоне в разные исторические периоды, комплекс народных рациональных знаний и др. А все это может дать немало материалов для решения проблем современности.

Что касается вопроса о совпадении или несовпадении ЭАК (он конструируется по материалам конкретных археологических памятников) с археологической культурой (АК), то ответ можно будет получить при развертывании масштабных работ по конструированию ЭАК. Но и сейчас уже понятно, что здесь могут быть различные варианты сочетаний этих двух категорий, во всяком случае, совпадения их необязательны. Ведь ЭАК – это прежде всего социокультурный комплекс, который характеризует этнический или этносоциальный компоненты или, скорее, их систему в составе этнического образования. Поэтому в АК могут входить и два, и три ЭАК. Самые поздние археологические памятники, положенные в основу ЭАК, вообще соотносятся в первую очередь с конкретными этническими общностями, а не с АК. Лишь с углублением исследования в более ранние периоды встает задача соотнесения ЭАК и АК.

Первые результаты наших полевых, методических (сегодня они связаны главным образом с разработкой новых программ и вопросников по сбору материалов) и эмпирических исследований³⁴ вселяют надежду на то, что в ходе такого рода многолетних работ фундаментального характера будет получена качественно новая историческая информация и может быть начнет формироваться новое научное направление на стыке археологии и этнографии (пока оно только декларируется) в российской науке. Наш еще небольшой опыт совмещения археологических и этнографических материалов по культуре и полученных результатов по анализу демографических, территориально-поселенческих, социальных характеристик тюркоязычной группы населения и русских бассейна Нижней Тары позволяет наметить не одно, а несколько направлений работы.

Прежде всего это выход на проблему этнической истории тарских и шире – сибирских татар, с изучения которой и возникло стремление интегрировать археологические и этнографические материалы, а возможно, и материалы по антропологии, истории, лингвистике и фольклористике. Еще одно направление работы – это проблема экологической ниши и возможностей хозяйственно-технологической и культурно-творческой деятельности населения на разных стадиях социально-экономического развития, проблема воссоздания социокультурных систем, выявления в них подсистем и изучения внутрисистемных связей и взаимообусловленностей (включает хозяйство, материальную, духовную и соционормативную культуру, социальные организмы, их структуру, социальные связи, демографический состав, типы расселения, информационные сети и связи и т.д.), проблема внешних связей социокультурных систем и подсистем.

При этом помимо статической фиксации социокультурной и экологохозяйственной ситуаций важно изучать динамику развития этих систем, т.е. природно-средовые и социокультурные процессы. Возникает множество и других методологических, теоретических и методических проблем, непосредственно связанных с самой интеграцией археологических и этнографических исследований.

Что касается организационной стороны дела, то она связана с проблемой создания специализированных лабораторий (или лабораторных групп), с необходимостью внедрения информационных технологий в решение намеченного спектра задач. Участники III Всероссийского семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований» высказали мнение, что омским ученым потребуются еще 2–3 года для завершения экспериментальной работы по разработке и апробации методики конструирования этнографо-археологических комплексов, не менее 15–18 лет – для проведения работы по конструированию и изучению ЭАК у тюркских, самодийских, угорских народов и русских Западной Сибири и еще 3–5 лет для осуществления обобщающей научной интерпретации всего объемного материала.

Большую помощь в формировании и развитии отрасли знаний на стыке археологии

и этнографии, как мы надеемся, может оказать научная экспертиза проделанной и намеченной к выполнению работы. Пока апробация проходит на уровне выступлений омских ученых с докладами и в дискуссиях на многочисленных конференциях и семинарах в разных городах России (Барнауле, Новосибирске, Санкт-Петербурге, Тобольске, Томске, Челябинске и др.). На международной научной конференции «Аборигены Сибири: проблема сохранения исчезающих языков и культур», состоявшейся в июне 1995 г. в Новосибирске, в резолюции была дана следующая оценка работы омской группы: «В Сибири формируется новое фундаментальное направление – этноархеология, интегрирующая на новом качественном уровне методы и достижения этнографической и археологической наук. Этноархеологическое направление, представленное в первую очередь учеными Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, призвано решать широкий круг проблем, связанных с изучением истории социальных организмов и культуры на разных стадиях развития. Новое направление может ставить и решать задачи прикладного характера, в частности касающиеся возрождения и развития социокультурных систем, усиления стабилизационных процессов»³⁵.

Примечания

¹О нашем понимании этнической истории и этногенеза как первой стадии этнической истории см.: *Томилов Н.А.* Этническая история как научное направление // Изв. Сибирского отд. Российской академии наук: История, филология и философия. Вып. 2. 1992. С. 34–39.

²*Шницерьян В.А.* Этноархеология – 70-е годы // Сов. этнография (далее – СЭ). 1984. № 2. С. 100.

³*Гриценко К.Ф., Осипова О.А.* А.П. Дульзон – исследователь истории аборигенов Сибири и их языков // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск, 1973. С. 6–8.

⁴*Лукина Н.В., Плетнева Л.М., Кулемзин В.М.* Очерки культурогенеза народов Западной Сибири – опыт междисциплинарного исследования // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 99–105; Очерки культурогенеза народов Западной Сибири. Т. 1. Поселения и жилища. Томск, 1994; Т. 2. Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994.

⁵*Кениг А.В.* За создание отечественной этноархеологии // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. С. 82; *Томилов Н.А.* Проблемы этнической истории (По материалам Западной Сибири). Томск, 1993. С. 30–31.

⁶Из истории Сибири. Матер. совещ. по проблемам культурной и этнической принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1973; Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. Тез. докл. Всесоюз. конф. Новосибирск, 1973; Происхождение аборигенов Сибири и их языков; Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тез. докл. Омск. 1979 и др.

⁷*Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Проблема археологических критериев этнической специфики // СЭ. 1979. № 6. С. 79–89.

⁸Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981.

⁹*Богомолов В.Б., Соболев В.И.* Орнамент в этнографо-археологическом комплексе барабинских татар // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. С. 129–132.

¹⁰*Мельников Б.В.* Из опыта археолого-этнографических исследований Омского университета в Западной Сибири (1987–1991 гг.) // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума. Т. 1. Новосибирск, 1996. С. 25–29.

¹¹*Томилов Н.А.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. Омск, 1987. С. 16–27; *его же.* Чулымские тюрки в конце XVI – первой четверти XIX в. // Проблемы происхождения и этнической истории тюркских народов Сибири. Томск, 1987. С. 150–156; *его же.* Проблемы этнической истории. С. 44–46 и др.

¹²Подробнее о работе поисковой группы омских археологов и этнографов на первом этапе см.: *Тихонов С.С., Томилов Н.А.* Работа Омской межведомственной поисковой археолого-этнографической группы в марте 1993 – июне 1994 года // Этнографо-археологические комплексы... С. 198–201.

¹³*Тихонов С.С., Томилов Н.А.* I и II Всерос. науч. семинары «Интеграция археологических и этнографических исследований» // Этнографо-археологические комплексы... С. 201–206; *Томилов Н.* Семинар по этноархеологии // Наука в Сибири: еженедельная газета Сибирского отделения РАН. 1996. № 48.

¹⁴Решение III Всероссийского научного семинара «Интеграция археологических и этнографических исследований», посвященного 110-летию со дня рождения С.И. Руденко. Омск, 1995. С. 9.

¹⁵Очередной Всероссийский семинар по этноархеологии // Наука в Сибири. 1996. № 6/7; О предстоящих научных конференциях // Информационный бюллетень Ассоциации этнографических и антропологических наук России. М., 1996. № 1. С. 9–10.

¹⁶Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума.

¹⁷Подробнее см.: *Томилов Н.А.* О серии «Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума» // Этнографо-археологические комплексы... С. 7–9.

¹⁸*Шницерльман В.А.* Указ. раб. С. 112.

¹⁹Там же. С. 113.

²⁰*Кениг А.В.* Указ. раб. С. 83–84.

²¹Там же. С. 83.

²²*Тишков В.А.* Советская этнография: преодоление кризиса // Этнограф. обозрение (далее – ЭО). 1992. № 1. С. 8.

²³*Томилов Н.А.* Этноархеология и изучение этнографо-археологических комплексов // Тез. докл. Междунар. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения В.И. Равдоникаса. СПб., 1994. С. 83–85; *его же.* Этнографо-археологические комплексы: проблемы изучения социокультурных систем // Археологические микрорайоны Западной Сибири. Омск, 1994. С. 145; *его же.* Этноархеология и этнографо-археологические комплексы (проблемы изучения социокультурных систем и этнической истории Сибири) // Аборигены Сибири: проблемы изучения исчезнувших языков и культур. Т. II. Новосибирск, 1995. С. 244; *его же.* Этноархеология и этнографо-археологический комплекс // Этнографо-археологические комплексы... С. 10–11; *его же.* Этноархеология и этнографо-археологические комплексы // Народы содружества независимых государств накануне третьего тысячелетия: реалии и перспективы. СПб., 1996. С. 58–59 и др.

²⁴*Кызласов Р.Л.* Роль археологических источников для изучения истории малых народов Сибири // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. С. 12.

²⁵*Васильев В.И.* Теоретические и источниковедческие проблемы изучения этнической истории (на материалах народов Севера СССР) // СЭ. 1990. № 6. С. 39.

²⁶*Илюшин А.М.* К вопросу о средневековой этноархеологии Кузнецкой котловины // Интеграция археологических и этнографических исследований. Ч. I. Омск, 1995. С. 32–33; *Кызласов Р.Л.* Указ. раб. С. 12–15; *Молодин В.И.* Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. С. 112–113; *Савицов Д.Г.* (Рец.). В.И. Молодин. Кыштовский могильник. Новосибирск, 1979. 180 с. // СЭ. 1981. № 2. С. 180; *Худяков Ю.С., Плотников Ю.А.* Изучение археологических памятников XVII–XIX веков в Горном Алтае // Интеграция археологических и этнографических исследований. С. 69–74 и др.

²⁷*Гурвич И.С.* Изучение этногенеза народов Севера в советский период (состояние, проблемы, задачи и перспективы) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 40.

²⁸*Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Указ. раб. С. 86–89.

²⁹О наших теоретических и методических разработках проблемы этнографо-археологических комплексов см.: *Богомолов В.Б., Томилов Н.А.* Теоретические и методические аспекты археолого-этнографических исследований // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. С. 132–134; *их же.* Художественный стиль и археолого-этнографические исследования // Проблемы исторической интерпретации археологических и этнографических источников Западной Сибири. Томск, 1990. С. 150–153; *их же.* Художественный стиль и проблемы выявления этнической специфики в археолого-этнографических материалах // *Томилов Н.А.* Проблемы этнической истории. С. 30–53, 197–202; *Томилов Н.А.* Проблема этнографической критериев этнической специфики археологических памятников // Проблема этногенеза и этнической истории аборигенов Сибири. Кемерово, 1986. С. 5–13; *его же.* Проблемы реконструкции этнической истории населения юга Западной Сибири. С. 16–27; *его же.* Этнографо-археологические комплексы в системе этноархеологических знаний // Актуальные проблемы сибирской археологии. Барнаул, 1996. С. 29–32. См. также работы в прим. 23 данной статьи.

³⁰О работах ученых-сибиреведов, использующих археологические, исторические и этнографические источники в комплексе, см.: *Томилов Н.А.* Этноархеология и этнографо-археологический комплекс. С. 10–25.

³¹*Клейн Л.С.* Археолого-этнографические сопоставления // Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. С. 140.

³²*Арутюнов С.А., Хазанов А.М.* Указ. раб. С. 79–89.

³³*Косарев М.Ф.* К вопросу о возможностях этнической интерпретации древних западносибирских культур // Проблемы этногенеза народов Сибири и Дальнего Востока. С. 61.

³⁴Материалы исследований омских этноархеологов за 1993–1995 гг. изложены в основном в следующих изданиях: Интеграция археологических и этнографических исследований: Матер. III Всерос. науч. семинара. Ч. 1–2. Омск, 1995; *Корусенко М.А., Татауров С.Ф.* Вопросник по теме «Землепользование и пути сообщения». Омск, 1994; Археологические микрорайоны Западной Сибири. Матер. Всерос. семинара

Интеграция археологических и этнографических исследований». Ч. 2. Омск, 1994; Мельников Б.В., Селазнев А.Г. Программа сбора материалов по теме «Исторические легенды и предания тюркских народов восточной Сибири». Омск, 1994; Новиков А.В., Татаурова Л.В. Вопросник по изучению гончарства. Омск, 1995; Тихонов С.С., Томилов Н.А. Об омской программе «Этнографо-археологический комплекс» // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. Ч. 1. СПб., 1993. С. 43–46; Томилов Н.А. Поселения ирских татар бассейна Тары в XVI–XVII вв. (к проблеме археолого-этнографической реконструкции) // Третьи исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Ч. 2. Омск, 1995. С. 78–82; Томилов Н.А., Тихонов С.С., Татауров С.Ф., Мельников Б.В. Археолого-этнографические работы летом 1993 г. // Тары – 400 лет. Ч. 2. Омск, 1994. С. 110–112; Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. Т. 1 и др.

³⁵«Аборигены Сибири: проблемы сохранения исчезающих языков и культур»: Резолюция международного конф. (Новосибирск, 26–30 июня 1995 г.) // Наука в Сибири. 1995. № 30. С. 9.

N. A. T o m i l o v . The Problem of Ethnography-Archaeological Complexes in Omsk Ethno-Archaeologists Investigations

This article is the evidence of ethno-archaeology as one of perspective directions of the modern polydiscipline investigations. The result of many years work in Omsk Scientific Center is the Theoretical and practical elaboration of EAC (Ethnography-Archaeological Complexes) theory on the example of Siberia Tatars' traditional culture.

The introduction of this term lets to collect together history-genetic (archaeological) and ethno-cultural researches and put the archaeology's and ethnography's integration into the new level.

© 1998 г., ЭО, № 1

С.А. Ш а н д ы б и н

ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ И СФЕРА ПРИМЕНИМОСТИ ЕЕ КУЛЬТУРНОЙ МОДЕЛИ

Ситуация вокруг постмодернистской антропологии

Среди множества новых подходов и направлений, которые появились в этнологии за последние полтора десятилетия, самым экзотичным и парадоксальным является постмодернистский. Уже в самый момент проникновения постмодернизма в этнологическую науку вокруг него началась оживленная дискуссия. Первая программная работа этого направления – сборник «Writing Culture»¹ – содержала в себе острую критику традиционных методов этнологии и всего привычного облика этой науки. Не заставила себя ждать и ответная критика². Со временем эта дискуссия не утихла, а наоборот, стала еще острее. Вошла она и в отечественную науку³.

Наблюдая за развитием этой полемики, можно сделать вывод, что ее продолжительность и накал во многом определяются тем, что она содержит в себе существенный внутренний недостаток, который ограничивает ее плодотворность. Дело в том, что методология постмодернизма в значительной мере привнесена в этнологию со стороны, этнология для нее – только поле приложения методов и подходов, выработанных в других сферах знания. Вместе с методологией постмодернизма в этнологию было привнесено много тем, которые к этой науке имеют только косвенное отношение. Это привело к тому, что дискуссия о постмодернизме в этнологии часто отрывается от собственно этнологического контекста, выходя в плоскость отвлеченных философских рассуждений. В центр внимания при этом попадает (с обеих сторон) не столько суть постмодернистского подхода, сколько постмодернистская риторика, доля